

Нуруллина Гузель Миннезифаровна

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ КАТЕГОРИИ РОДА

Статья посвящена психолингвистическим особенностям обучения учащихся категории рода имен существительных. Раскрывается когнитивный потенциал категории рода. Рассматривается связь грамматического рода с мышлением, психологическими особенностями человека. Анализируется процесс персонификации неодушевленных существительных в поэтических текстах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-124. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 372.881.161.1

Педагогические науки

Статья посвящена психолингвистическим особенностям обучения учащихся категории рода имен существительных. Раскрывается когнитивный потенциал категории рода. Рассматривается связь грамматического рода с мышлением, психологическими особенностями человека. Анализируется процесс персонификации неодушевленных существительных в поэтических текстах.

Ключевые слова и фразы: обучение категории рода; психолингвистический аспект; текст; персонификация; метафоризация; речевая деятельность.

Нуруллина Гузель Миннезугаровна, к. пед. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

nurullinagz@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ КАТЕГОРИИ РОДА ©

Формирование грамматического компонента языковой системы обладает большим потенциалом речевого и общего психического развития личности учащихся. И этот «потенциал определяется через изучение соотношения речи и мышления, вопроса о возможности развития средствами языкового образования самого мышления, языковых и познавательных способностей человека» [11, с. 10].

Овладение учащимися языковыми единицами основано на взаимосвязи речи и мышления, однако, по утверждению В. П. Глухова и В. А. Ковшикова, «некоторые формальные категории языка не соотносятся с категориями мышления» [2, с. 169]. К таким категориям ученые относят грамматический род и вид глагола. «На самом деле вроде бы нет никаких объективных оснований для отнесения слова –е́тол” к мужскому роду, слова –жа́мпа” – к женскому, а слова –ве́дро” – к среднему. Но язык –присвоил” им определенный род, так как языку это –нужно” для его функционирования» [Там же].

В языках с грамматическими системами рода существительные относятся к определенному роду на основе морфологической или фонологической информации, закодированной в слове. Это суждение свидетельствует о том, что в формальных системах есть семантическое ядро, так как категория рода является средством выражения предметности, ярко и эмоционально соотносится с действительностью окружающего мира, обусловлена реальными свойствами объектов. В представлениях носителей языка происхождение категории рода связано с мышлением человека, его мировоззрением, психологическими особенностями, что все-таки позволяет рассматривать категорию рода не только как морфологическую, но и как логическую, мыслительную [7].

В русском языке семантический способ выражения категории рода предполагает сложные когнитивные связи рода и пола. Семантическая информация культуросна: она отражает способ концептуализации действительности. Значительный интерес с этой точки зрения и представляет категория рода, существование которой «свидетельствует о более эмоциональном отношении к природе, к миру, об олицетворении этого мира» [9, с. 159].

С точки зрения психолингвистической репрезентации категории рода, особое место занимают неодушевленные существительные, которые, не имея номинативного значения, приобретают это значение в процессе персонификации, метафоризации. М. В. Ласкова отмечает, что «всепроникающий характер персонификации – это одно из доказательств, во-первых, семантической (мотивированности) рода, во-вторых, связи грамматического рода с культурными традициями носителей языка» [4, с. 7]. Образное олицетворение, основанное на стилистическом использовании существительных, может служить различным выразительным целям. При олицетворении предметы получают признак пола.

Отношение неодушевленных существительных (чаще речь идет о существительных среднего рода) к мужскому или женскому полу можно проследить в русской поэтической речи. Так, существительное *солнце*, по формальным признакам относящееся к среднему роду, репрезентируется в мужском или женском лицах. В стихотворении Н. А. Некрасова читаем: «с румяным **солнцем-дедушкой** играют облака», «смеется **солнце красное, как девка** из снопов» [6, с. 70-71]. В словаре В. И. Даля мы наблюдаем, что со словом *солнце* связана тема господства («Ты наше красное солнышко, **кормилец** или **благодетель, радость** и **надежда**») [13]. При этом слова мужского рода *кормилец* и *благодетель* указывают на социальную роль и общественную значимость, а слова женского рода *радость* и *надежда* придают оценочное и экспрессивное значение.

По представлениям русских, возникновение между людьми взаимных симпатий связано с силами небесных сил. Верховным покровителем и высшим мифологическим божеством свадьбы было солнце. В некоторых свадебных песнях жених – месяц, невеста – солнце. Свадебный каравай, уподобляя его солнцу, выпекали круглым. Свадебный венок невесты также олицетворял солнце. Круглая форма венка, его «сияние» и обычай его «катать» по «тесовенькому столику, по белявенькой скатерти» указывают на солнце как верховного покровителя обрядового таинства [5, с. 182].

Предписывание слову (в нашем случае слову-концепту *солнце*) свойств живого лица мужского или женского пола связано с особенностями образного мышления человека, с его ментальностью, культурой. Слово,

выражающее концепт, определяется как оперативная содержательная единица памяти и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3]. Например, существительное *море* (также среднего рода) представлено в стихотворениях русских поэтов в мужском лице. Например: «море тихо, как котенок» (Н. Рубцов); «море-дирижер» (Н. Заболоцкий).

Отношение существительных среднего рода к мужскому или женскому полу, возможно, связано с античным представлением об окружающем мире. Так, древнегреческий грамматик Аммоний утверждал, что смысл среднего рода легко понять, поскольку он приводит или к тому, «что предшествует обоим (мужскому и женскому) родам (например, *первое*)», или к тому, «что происходит из обоих (*дитя*)», или к тому, «что переходит от более сильного к более слабому (*семья*)» [8, с. 107].

Итак, категория рода реализует как прямое, так и переносное значение слова. Если интерпретировать это суждение в психолингвистическом плане, то можно предположить, что категория рода выражает образное, вербальное отношение человека к действительности окружающего мира. Образность создает метафорический каркас категории рода, у языковой единицы проявляются признаки семантической двуплановости, оценочной и экспрессивной насыщенности. При метафоризации слово «оживляется», олицетворяется. Человеку с его богатым духовным миром, его культурой, менталитетом свойственно стремление к персонификации всех окружающих предметов и явлений. При восприятии метафоры возникает ряд субъективных ассоциаций, связанных со спецификой воспринимающей личности, с ее психическим складом, с характером интеллектуальной жизни. Проследить это возможно в рамках различных контекстов: в произведениях устного народного творчества, в художественной речи, поэзии, в устойчивых выражениях-фразеологизмах. Таким образом, «изучение языка как средства презентации культуры обеспечивается прежде всего через текстовый фонд этого языка» [12, с. 172].

В обучении учащихся категории рода целесообразно использовать тексты разных жанров, поскольку текст является объектом развития речевой деятельности и связан с такими науками, как герменевтика, прагматика, психолингвистика. «Под влиянием психолингвистики и прежде всего теории речевой деятельности формируется направление, связанное с *теорией текстовых ассоциаций*. На их основе создается представление о разных аспектах текста и его смысле в сознании адресата» [1].

В стихотворении Ф. И. Тютчева «Зима недаром злится...», написанном в 1836 году, времена года «Зима» и «Весна» представлены в человеческом лице. Слова *зима* и *весна* – неодушевленные существительные, которые на уровне языковой системы не обладают денотативным значением рода, но они репрезентируют это значение на уровне художественной речи [10]. Создавая художественный образ, автор опирается на потенциальные возможности слова. Поэтическое слово актуализирует психологические, эмоциональные ассоциации. Так, в стихотворении «Зима» ассоциируется с «ведьмой злой», которая «хлопочет на Весну, ворчит»; «Весна» ассоциируется с «прекрасным дитем», которое «в глаза хохочет, шумит». Природа у Тютчева одушевлена, очеловечена, персонифицирована, то есть ассоциативно переосмыслена. Именно категория рода репрезентирует создание определенного художественного образа, с помощью которого более полно и наглядно раскрывается какая-либо мысль автора и персонажа.

Таким образом, связь категории рода с мышлением человека, его мировоззрением позволяет интерпретировать в слове денотативное значение. Психолингвистические особенности обучения учащихся категории рода позволяют реализовать главный предмет психолингвистики – развитие речевой деятельности, формирование коммуникативной компетенции учащихся.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). 2002. Вып. 4 (12). С. 49-59.
2. Глухов В. П., Ковшиков В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ, 2007. 318 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой; Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. 245 с.
4. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. экон. ун-та, 2001. 192 с.
5. Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: словарь. М.: Ладомир, 2006. 234 с.
6. Некрасов Н. А. Избранное: в 2-х т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. Т. 2. Поэмы / сост. В. Алексиной. 456 с.
7. Нуруллина Г. М. К вопросу о метафоризации категории рода в русском языке // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 96-99.
8. Нуруллина Г. М. К вопросу о происхождении и становлении категории рода в русском языке // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: мат.-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (25-26 марта 2013 г.). Прага: Sociosfēra-CZ, 2013 С. 106-108.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 262 с.
10. Хайрутдинова Г. А. Морфологические средства создания художественного образа в контексте проблемы эстетики языковых единиц // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 279-286.
11. Щенилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие. М.: Владос, 2005. 245 с.
12. Юсупова З. Ф. Реализация лингвистического и культурологического принципов в учебно-методической литературе по русскому языку для тюркоязычной аудитории // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 170-173.
13. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/СОЛНЦЕ/> (дата обращения: 30.03.2014).

PSYCHOLINGUISTIC PECULIARITIES OF TEACHING THE STUDENTS THE CATEGORY OF GENDER

Nurullina Guzel' Minnezufarovna, Ph. D. in Pedagogy
Kazan (Volga region) Federal University
nurullinagz@mail.ru

The article is dedicated to the psycholinguistic peculiarities of teaching the students the category of gender of the nouns. The author reveals the cognitive potential of the category of gender, considers the relationship of grammatical gender with thinking, psychological specifics of a human being. The paper analyzes the process of personification of inanimate nouns in poetical texts.

Key words and phrases: teaching the category of gender; psycholinguistic aspect; text; personification; metaphorization; speech activity.

УДК 81'373=511.142

Филологические науки

В статье на материале шурышкарского идиолекта хантыйского языка рассматривается глагольное прошедшее время в его прямом употреблении, определяющее событие по отношению к моменту речи как предшествующее и представляющее систему форм изменяемых глаголов. Основное внимание сосредоточено на семантике формы прошедшего времени, позволяющей ей реализовывать разнообразные функции.

Ключевые слова и фразы: хантыйский язык; шурышкарский диалект; категория времени; прошедшее время; семантика.

Онина Софья Владимировна, к. филол. н., доцент
Югорский государственный университет
OninaS@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ШУРЫШКАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА[©]

В хантыйском языке прошедшее время представляет систему форм изменяемых глаголов, означающих действие, которое совершилось или совершалось до момента речи, то есть глагольное прошедшее время в его прямом употреблении определяет событие по отношению к моменту речи как предшествующее. Например: *loś paj aĵalta lölas – ĵätäl jošan ĵölätsa* «Сугроб небольшой потихоньку растаял – солнечным лучом растоплен» [9, с. 115]. Или, как обобщенно пишет И. А. Николаева, относительно прошедшего времени в обдорском диалекте хантыйского языка: «формы прошедшего времени обозначают действие, имевшее место в прошлом по отношению к моменту речи» [12, с. 123]. На материале казымского диалекта А. Д. Каксин отмечает, что «категориальное значение формы на -с – предшествование моменту (периоду) времени, принятому за точку отсчета. Сама точка отсчета при этом исключается из времени совершения действия. ... Конкретное значение формы на -с полностью определяется контекстом – результативным или нерезультативным» [6, с. 47].

Прошедшее время изъявительного наклонения в шурышкарском диалекте, так же как и в других северо-западных диалектах образуется присоединением показателя времени -s-, который способен присоединяться к глаголам, в зависимости от типа той или иной основы глагола.

Традиционно наиболее в общем смысле для выражения предшествования времени Р моменту речи в языкознании используется термин *претерит*, отражающий «грамматическое прошедшее время, охватывающее все разновидности действия (процесса), предшествующего моменту речи» [1, с. 351]. Прошедшее время или *претерит* (лат. *praeteritum*, англ. *past*) включает «ситуацию Р, которая предшествует моменту речи» и следует «в первом приближении описывать как время ситуации Р в целом или хотя бы некоторой ее части предшествует моменту речи»; но при таком описании создается обширная зона конкуренции между *претеритом* и *презенсом*. Выбирая одну из двух равно возможных форм, говорящий может вложить в свое сообщение некоторую дополнительную информацию. ... Временная характеристика ситуации далеко не всегда получается простым способом соотнесения времени ситуации в целом и момента речи. ... С моментом речи может соотноситься как ситуация в целом, так и какой-то ее фрагмент, особенно если ситуация занимает значительный интервал на оси времени. Произнося выказывание вида *когда я вышел из дому, было светло* говорящий, употребляя выделенную форму прошедшего времени, имеет в виду лишь то, что ситуация «светло» имела место до момента речи в некоторый определенный промежуток времени – а именно, в тот, когда он вышел из дома» [14, с. 353]. Ср. хант.: *ĵun ta ĵotem eltĭ kim etsät, kamän növi us* «когда я вышел из дому, было светло».

В финно-угорском языкознании претерит наиболее полно обследован на материале коми языка Е. А. Цыпановым и он пишет: «Грамматическая семантика претерита... выражает как недавнопрошедшие, так и